

Первое семейное собрание после того, как Цуй Люй объявил о своём окончательном выздоровлении, состоялось на следующий же день после возвращения дочерей в отчий дом.

Дело о разводе с семьёй Ван Цуй Люй полностью перепоручил старшему сыну. Он даже не дал сватам и родителям зятя шанса на личную встречу, выставив безупречный в своей жёсткости предлог: «Зять — что родной сын. Я едва не отправился к праотцам, а он в это время спешно обзаводился наследниками от наложницы. Если моя дочь молода и простодушна, то вы, старики, прожили на свете достаточно, неужели и вам неведомы правила приличия?»

Посыл Цуй Люя был предельно ясен: раз вы первыми проявили неуважение ко мне, то и мне незачем церемониться с вами. Этот «полусын» ему более не требовался. Пусть женятся заново или возводят наложницу в статус законной супруги — Цуй Люю было плево. А если посмеют докучать или чинить препятствия, он заставит их на собственном опыте познать, насколько деспотичным может быть богатейший человек уезда.

Ван Инцзинь поначалу не желал мириться с судьбой. Он опустил на колени прямо перед главными воротами усадьбы Цуй, а в полуметре позади него замерла та самая наложница. Видимо, ребёнку в её чреве была сужена долгая жизнь: после чаши снадобья женщина промучилась болями лишь полночи, но выкидыша не случилось. Она лишь ещё сильнее побледнела и осунулась, но в остальном выглядела вполне здоровой.

Цуй Юлин вышла к нему с дочерью на руках, сопровождаемая старшей сестрой Сяроун. Супруги долго молчали, глядя друг на друга. Лишь в этот миг Ван Инцзинь в полной мере осознал, каким сокровищем была его жена — красивая, с безупречной родословной и влиятельной семьёй за спиной. Прежнее пренебрежение к супруге, вызванное тем, что тесть, казалось, совсем её не замечал, теперь жгучей пощёчиной отозвалось на его лице. Он наконец прозрел: как бы мало места ни занимала дочь в мыслях отца, кровные узы гарантировали ей защиту рода до конца дней.

Он облизал пересохшие губы и, выпрямив спину, потянулся к дочери, которая испуганно взирала на него.

— Жань-эр, иди к папочке.

Малышка лишь крепче обхватила мать за шею и спрятала лицо у неё на плече. Этот жест — отказ признавать в нём близкого человека — наглядно показывал, что в их доме Ван Инцзинь редко баловал дочь вниманием.

Цуй Юлин закусила губу и заговорила первой:

— Муж мой, отец очень полюбил Жань-эр. Он сказал, что рад нашему возвращению. Знаешь... твоей матери было слишком трудно угодить. Я никогда так не прислуживала собственной

матери, но ей всё равно всегда было мало.

Она перевела взгляд на женщину, стоявшую за его спиной.

— Тебе ведь не обязательно было лгать мне. Ты же знаешь, я не слишком хитра. Она... ведь сестра того молодого господина, которого твоя мать когда-то выкормила грудью, верно?

Глаза Ван Инцзиня округлились. Наложница тоже вскинулась, её лицо вмиг утратило последние краски. Юлин посмотрела на неё с нескрываемой жалостью.

— Сначала я хотела устроить скандал, я была в ярости. Но когда я случайно подслушала твой разговор с горничной, гнев прошёл. Если бы твой род не пал... с твоим происхождением ты бы никогда не стала наложницей, которую тайком ввозят в дом через чёрный ход. По правде говоря, мне тебя очень жаль.

Сюроун, стоявшая рядом, хмурилась всё сильнее. Не в силах терпеть мягкотелость сестры, она чувствительно ущипнула её за руку и прошипела:

— К чему эти излишества? Живо ставь точку и завязывай с этим.

Такое затягивание разговора казалось Сюроун опасным — вдруг зять снова почувствует надежду? Если Юлин сейчас передумает и сведёт на нет все усилия отца и брата, Сюроун готова была её на месте придушить.

Но Юлин упрямо желала договорить всё до конца.

— Ты и твоя мать на самом деле очень цените её. Вы считаете, что её благородная кровь — это подарок судьбы, упавший в ваши руки. Вы надеетесь, что ребёнок в её чреве унаследует хотя бы половину талантов её отца и братьев, и тогда в вашем роду потечёт кровь аристократов. Вы грезите о том дне, когда её семью оправдают, верно, муж мой?

Ван Инцзинь смотрел на жену, словно видел её впервые. С момента свадьбы эта говорливая девушка, наполнявшая дом шумом и суетой, постепенно превратилась в молчаливую женщину, привыкшую всё держать в себе. Потребовалось всего два года.

Он понял, что потерял её навсегда. Когда правда озвучена так прямо, будущего быть не может. Он и не подозревал, что эта бесхитростная натура видит всё так ясно, будто в зеркале.

Юлин опустила дочь на землю и легонько подтолкнула её.

— Поклонись отцу. Скажи ему, что отныне ты будешь жить в доме дедушки. И если он когда-нибудь соскучится, пусть присылает за тобой, чтобы ты могла погостить.

Жань-эр не поняла и половины длинной речи матери, но послушно опустилась на колени. Глаза Юлин покраснели, но на губах играла горькая улыбка.

— Раньше я думала, что отец меня не любит. Мне казалось, он вообще холоден ко всем детям... Ну, кроме старшего брата. Поэтому, когда он велел мне выйти за тебя, я согласилась, хоть и не хотела. Думала, так я заслужу его одобрение. Но вчера он признал, что ошибся в тебе, и попросил меня поверить ему ещё раз. Знаешь, первые полгода в твоём доме я была счастлива. Я чувствовала, что нравлюсь тебе — так же, как новая косметика или отрез шёлка. Но потом всё изменилось. Твоя мать требовала от меня «искренности», а ты вечно упрекал, что я недостаточно стараюсь. Только когда она потребовала отдать ей моё приданое под управление, я поняла, что вы оба называете «сыновней почтительностью»...

Она игриво взглянула на старшую сестру.

— Если бы я не спросила совета у Сяроун, я бы, наверное, и впрямь отдала всё твоей матери. Так что, пока мой отец умирал, а твоя мать вводила в дом наложницу — это и был ваш способ окончательно прибрать меня к рукам? Видишь, муж мой, пусть я и не хитра, но я не слепа. Мать учила меня: можно быть простодушной, но нельзя быть глупой. Простодушие приведёт к ошибкам, но глупость позволит другим сделать из тебя марионетку. Жань-эр в доме Цуй воспитают как следует. Занимайся своими делами, расти других детей. На этом мы прощаемся. Береги себя.

Словно сбросив тяжкий груз, Юлин снова подхватила дочь на руки. Тень, лежавшая на её челе больше года, бесследно исчезла. В этот миг она снова стала той живой девушкой, какой была до замужества, — лишь наряд замужней дамы напоминал о прошлом, но во взгляде снова сияла прежняя лёгкость.

Вот она — сила крепкого тыла в лице отчего дома.

Женщина, стоявшая за спиной Ван Инцзиня, ошеломлённо смотрела на неё. Она невольно прижала руку к животу, который едва не лишился плода, и по её лицу потекли слёзы.

У неё-то не было дома, куда можно было вернуться.

Юлин получила разводную грамоту в тот же день, и всё её приданое до последней нитки перевезли в усадьбу Цуй.

Однако у старшей сестры, Сяроун, дела шли не так гладко. Требовалось дожидаться приезда деда её мужа для личного разговора.

На следующий день после того, как новости долетели до деревни Лицзы, прибыл Ли Куй — дед Ли Вэнькана. Старый крестьянин, чьи ноги ещё были перепачканы дорожной грязью, волок за собой поникшего внука. Следом за ними, едва сдерживая ярость и готовые в любую секунду сорваться на крик, семенили родители Вэнькана.

Ли Куй был главой семьи и старостой деревни Лицзы. Его хозяйство процветало: просторная усадьба, две сотни му плодородной земли, которую обрабатывали батраки. Несмотря на достаток, старик любил сам трудиться в поле, поэтому неудивительно, что он явился к Цуй Люю прямо с пашни.

Цуй Люй распорядился подать воды и пригласил гостя сесть. Ли Куй, прикрикнув на внука, заставил того опуститься на колени перед входом в зал, после чего сложил руки в почтительном поклоне перед Цуй Люем.

— Ох, уважаемый сват... Как же так... Стыдно-то как, не передать.

В это время Сяроун вынесла поднос с чаем и лично подала пиалу Ли Куя.

— Дедушка, выпейте чаю.

Из всей семьи Ли она искренне уважала только старика. Её свекор со свекровью, едва увидев невестку, тут же не выдержали.

— Ах ты, дрянная... Живо отдай моего внука! Это кровь и плоть рода Ли!

Цуй Люй лишь повёл глазами в их сторону. Его взгляд — холодный, лишенный эмоций, но острый, как лезвие клинка — заставил свекровь осечься на полуслове. Лицо Ли Куя потемнело ещё сильнее, он гневно прикрикнул:

— Или пошли вон за ворота, или замолчите! Ещё хоть слово — и дома отведаете наказание по семейным законам.

Цуй Люй в грош не ставил родителей зятя, но Ли Куя он ценил. Именно благодаря этому старику — его трезвому уму, умению идти на компромисс и капле прозорливости — семья Ли процветала. Заметив у старшего внука талант к наукам, Ли Куй без колебаний продал часть земли, чтобы оплатить его обучение.

Потому Цуй Люй всегда вёл дела только с ним, игнорируя родителей зятя, которые рядом с Цуй Люем выглядели мелкими и ничтожными, хотя и были одного возраста.

Ли Куй снова поклонился, его лицо покраснелось от стыда.

— Беда в моём доме, сват. Прости, что заставил тебя на это смотреть.

Цуй Люй отмахнулся и сложил руки в ответном жесте.

— Благодарю тебя, старейшина Ли, за женьшень, что ты прислал, пока я болел. Теперь я поправился и хотел было устроить пир, поблагодарить друзей за заботу... Но видишь, как вышло: дети один за другим приносят вести, от которых сердце не на месте. Не думал я, что наша встреча пройдёт при таких обстоятельствах. Эх...

Ли Куй молчал, тяжело опираясь на колени. Он взглянул на Сьюроун, его голос был глухим:

— Внучка, скажи деду... когда это началось? Раньше дома мы за ним ничего такого не замечали...

Он не смог договорить — позорные слова застряли в горле старика.

Сьюроун оставалась спокойной. Она подошла и отвесила низкий поклон.

— Полгода назад.

Больше она не проронила ни слова. Ли Куй, скрежеща зубами, обернулся к внуку, стоявшему на коленях. Всю жизнь семья копила медь к меди, чтобы выучить его, надеясь, что он сдаст экзамены и возвысит род!

Цуй Люй, боясь, как бы старика не хватил удар, предложил ему чай и продолжил разговор сам:

— Мода в уездной академии всегда повторяет столичную, без разбора впитывая и хорошее, и дурное. Когда они переезжали в город, я предлагал Вэнькану учиться в нашей академии клана Цуй. Но он счёл зазорным учиться в одном месте с собственным сыном. Пришлось мне, старику, идти к уездному судье и просить для него рекомендательное письмо...

Голова Ли Куя опустилась ещё ниже. Лишь родители Вэнькана сидели с гордо задранными подбородками, уверенные, что в академию их сына приняли исключительно за его великие таланты.

Цуй Люй даже не взглянул на них.

— Ты же понимаешь, старейшина Ли: в академии народ заносчивый. Чтобы влиться в их круг, нужно либо иметь знатное имя, либо деньги. Я всё надеялся, что моя дочь когда-нибудь станет госпожой чиновника, вот и давал Вэнькану серебро сверх меры. Не хотел, чтобы над ним смеялись. Думал, пусть заводит полезные связи среди будущих сослуживцев...

Ли Куй почти согнулся пополам на своём стуле. Он лишь непрерывно кланялся Цуй Люю, повторяя:

— Сьюроун рассказала мне об этом, когда вернулась... Я бесконечно благодарен тебе за

поддержку и заботу. Я всегда твердил Вэнькану, чтобы он не смел забывать твою доброту. Мы всё помним, сват, всё помним...

Цуй Люй покачал головой и помог старику сесть прямо.

— Ли Куй, когда мы договаривались о браке наших детей, я выбрал тебя за твою честность и справедливость. Я хотел, чтобы моя дочь, живя в твоём доме, научилась у тебя хотя бы малой части житейской мудрости. Я искренне хотел этого родства и относился к Вэнькану как к родному сыну. Ты же знаешь — я собственным сыновьям так не помогал в учёбе, как ему.

Вдруг из угла донеслось высокомерное бормотание:

— Подумаешь... Просто видел, что наш Вэнькан талантлив, вот и хотел погреться в лучах его славы. Свои-то сыновья к наукам не способны, чего бы и зятя не поддержать? Сам же сказал — хотел дочь сделать госпожой. Хотел получить зятя-чиновника, не потратив ни гроша? Так не бывает! Хм!

Свекровь думала, что говорит тихо, но в притихшем зале каждое её слово прозвучало отчётливо. Ли Куя то краснело, то чернело от ярости. Не выдержав, он швырнул в неё свою чашку с чаем.

Раздался звонкий удар. Свекровь с визгом вскочила, собираясь было огрызнуться, но увидев, каким свирепым взглядом сверлит её свёкор, тут же сжалась.

— Батюшка, вы чего... Напугали же до смерти...

— Пошла вон! — взревел Ли Куй. — Ступай и встань рядом с сыном! Если ещё хоть раз откроешь рот, велю старшему сыну дать тебе разводную. Проваливай!

Цуй Люй тоже поднялся, его лицо стало пугающе суровым.

— Старейшина Ли, кажется, нашему родству пришёл конец. Видно, не суждено моей дочери вкусить плодов от успехов твоего внука. У нас с тобой долгая дружба, Ли Куй. Давай позволим детям самим разобраться со своими жизнями, чтобы нам не стать врагами. У нас ведь общие внуки, не стоит доводить дело до позора. Верно я говорю?

Ли Куй посмотрел на Цуй Люя, затем на Сяроун и, наконец, пересилив гордость, спросил:

— Я велю Вэнькану никогда больше не видеться с тем человеком. Внучка, дай ему ещё один шанс... Ради детей, прошу тебя, дай ему шанс.

Глаза Сяроун наполнились слезами. Она медленно опустилась на колени перед Ли Куем и

коснулась лбом пола.

— Дедушка... Я давала. Пока никто в семье не знал, я давала ему шансы. Но спросите его, что он мне ответил? Дедушка, тот человек уже жил в нашем доме! Я больше не могу этого выносить.

Ли Вэнькан, всё это время хранивший молчание на коленях за дверью, поднял голову и громко произнёс:

— В столице все благородные мужи так поступают, а вы обсуждаете это как великое преступление! Что здесь такого ужасного? Сьюроун, я и не думал, что ты столь ограничена. Ты же грамотная женщина, почему ты не можешь меня понять? Даже если бы у меня не было этого «договорного младшего брата» сейчас, он бы появился позже, когда я стал бы чиновником в столице. Я ведь не бросил тебя, у нас сын и дочь! Чего тебе ещё нужно?

Лицо Сьюроун вспыхнуло пунцовым, она несколько раз хватала ртом воздух, прежде чем голос прорвался сквозь горло:

— Даже я, простая женщина, знаю, что мужчине не подобает принимать такую роль! Ты муж, отец... Как ты мог?! О чём ты думал? О сыне? О дочери? Ты даже не представляешь, какой стыд и омерзение я чувствовала каждый раз, встречая того человека в нашем доме! Ли Вэнькан, науки — это науки, а то, что ты творишь — это бесстыдство и позор для учёного мужа. Какими бы «изысканными забавами» это ни называли, это всё равно тошнотворно! Ох!

Не в силах более сдерживаться, она закрыла рот рукой и убежала во внутренние покои. Вся её фигура выражала такое отвращение, будто она нечаянно коснулась нечистот.

Ли Вэнькан застыл в изумлении, смешанном с обидой непризнанного гения. Он посмотрел на деда и прошептал:

— Она... она сказала, что ей противно?

Ли Куй бессильно ссутулился, его голос звучал надломленно:

— Сват... Я согласен.

Когда день возвращения приданого был назначен и семья Ли уехала, Цуй Чэн семенил следом за Цуй Люем, хитро подмигивая:

— Господин, всё вышло точь-в-точь по вашему слову! Старейшина Ли и впрямь хотел запереть родителей зятя дома, да только наши люди успели шепнуть им новость заранее. Те подготовились и вскрыли замки. Как бы старик ни злился, а раз они увязались за ним — пришлось брать с собой.

Цуй Люй кивнул и вздохнул:

— Нашей дружбе конец. Хорошо хоть не разругались в пух и прах на месте, сохранили остатки лица.

Пусть дети довели спор до конца сами — это лучше, чем если бы Цуй Люй уговаривал их и остался виноватым. В конце концов, это Сьюрун и он сам хотели этого развода.

Старик Ли был хорошим человеком, да только подвели его дети и внуки. Жаль его.

Цуй Люй не хотел оставлять и тени подозрения в том, что он просто избавляется от неудачников. Если в будущем Ли Вэнькан попадёт в беду, Ли Куй не должен вспоминать Цуй Люя как человека, бросившего их в трудный миг. Пусть лучше винит собственного сына, сноху и непутевого внука.

Так будет лучше для всех.

Сестры Цуй окончательно обосновались в своих прежних покоях. В усадьбе ярко горели огни, вся семья собралась вместе. Цуй Люй, восседая на почётном месте, объявил:

— Юаньши. С сегодняшнего дня ты отстраняешься от управления домашними делами. Берись за книги. До малых экзаменов осталось два месяца. Я хочу, чтобы в следующем году ты получил право участвовать в провинциальных испытаниях.

Все замерли от неожиданности. Цуй Юаньши вскочил, потрясённо глядя на отца.

Что это значит?

Он — старший сын, наследник клана, который должен управлять поместьем. Отец велит ему идти в науку? А как же заветы предков?

Но Цуй Люй уже повернулся к младшему сыну, Цзикану:

— Я разузнал: лучшие мастера сейчас на Севере. Цзикан, если ты хочешь, я отправлю тебя в Северные земли.

<http://bllate.org/book/16118/1582689>